
Научная статья
УДК 316.48(470.6)
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-46-61

ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ В ДИНАМИКЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII В.)

Zaurbek Anzorovich Kozhev

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2025

Аннотация. Вторая половина XVIII в. для Северо-Западного и Центрального Кавказа стала временем обострения этносоциальных конфликтов. Объективные причины внутренней эволюции адыгских и абазских полигий Черкесии, горских обществ Центрального Кавказа привели к серьезной демографической и, как следствие, социально-политической динамике. На Северо-Западном Кавказе – в Западной Черкесии и в Кабарде с ее сложным гетерогенным этносоциальным окружением эти процессы имели как общие черты, так и ряд особенностей. Они были связаны с ландшафтными различиями двух субрегионов Черкесии, демографическими параметрами, этнокультурным разнообразием его населения. Общим содержанием этносоциальных процессов, имевших место на Северо-Западном и Центральном Кавказе во второй половине XVIII в. стал кризис иерархических институтов политической власти и самоорганизации. Наиболее зримо, в форме резкого социального и политического переворота, этот кризис реализовался в Закубанской Черкесии после Бзиокской битвы (10 июля 1796). Для Кабарды, сохранившей на протяжении всей второй пол. XVIII в. свою феодальную конституцию, дополнительным фактором, усугублявшим кризисные явления, было обострение кабардино-русских отношений. Основание Азово-Моздокской кордонной линии (1777–1778), перенос укрепленной русской границы на Кубань (1791–1793) детерминировали обострение внутренних противоречий в Кабарде, резкое сокращение ее территории и постепенное разрушение иерархических связей с абазинами и горскими обществами Центрального Кавказа.

Ключевые слова: Западная Черкесия, Кабарда, социальный переворот, Бзиокская битва, кордонная линия

Для цитирования: Кожев З.А. Общее и частное в динамике этносоциальных процессов на Северо-Западном и Центральном Кавказе (вторая половина XVIII в.) // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 46–61. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-46-61

Original article

GENERAL AND SPECIFIC IN THE DYNAMICS OF ETHNOSOCIAL PROCESSES IN THE NORTHWESTERN AND CENTRAL CAUCASUS (SECOND HALF OF THE XVIII-TH CENTURY)

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2025

Abstract. The second half of the XVIII-th century was the time of intensifying ethnosocial conflicts in the Northwestern and Central Caucasus. Objective factors in the internal evolution of the Adyge and Abaza polities of Circassia and of the mountain societies of the Central Caucasus led to significant demographic and, consequently, sociopolitical dynamics. In the Northwest Caucasus – in Western Circassia and Kabarda, with its complex, heterogeneous ethnosocial milieu – these processes had both common features and a number of distinctive characteristics. These were linked to the landscape differences between the two subregions of Circassia, demographic parameters, and the ethnocultural diversity of its population. The general content of the ethnosocial processes that took place in the North-West and Central Caucasus in the second half of the XVIII-th century was the crisis of hierarchical institutions of political power and self-organization. This crisis manifested itself most visibly, in the form of a sharp social and political upheaval, in Trans-Kuban Circassia after the Battle of Bziyuk (July 10, 1796). For Kabarda, which retained its feudal constitution throughout the second half of the XVIII-th century, an additional factor exacerbating the crisis was the deterioration of Kabardian-Russian relations. The founding of the Azov-Mozdok cordon line (1777–1778) and the transfer of the fortified Russian border to Kuban (1791–1793) determined the aggravation of internal contradictions in Kabarda, a sharp reduction in its territory and the gradual destruction of hierarchical ties with the Abazins and mountain societies of the Central Caucasus.

Keywords: Western Circassia, Kabarda, social upheaval, Battle of Bziyuk, cordon line

For citation: Kozhev Z.A. General and specific in the dynamics of ethnosocial processes in the Northwestern and Central Caucasus (second half of the XVIII-th century). Vestnik KBIGI = KBIGR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 46–61. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-46-61

Вторая половина XVIII в. на Северо-Западном и Центральном Кавказе – это время масштабных демографических, социальных и политических преобразований, в которых отразились объективно обусловленные процессы общественной эволюции народов региона и, в первую очередь, черкесов. Как это обычно бывает в динамике общественных процессов, количественные изменения накапливались постепенно, а реализовывались скачкообразно переходом в новое качество. Ключевым событием, своеобразной реперной точкой социально-политического переворота в жизни черкесов XVIII в. стала Бзиюкская битва 10 июля 1796 г. между крестьянским ополчением Шапсугии («вольными земледельцами» по определению Султана Хан-Гирея – З.К.) и коалицией бжедугских и шапсугских аристократов. Несмотря на победу последних в самом сражении, этой «битве при Моргартене» наоборот, общественно-политический кризис конца XVIII в., охвативший черкесское общество, завершился полной победой антифеодальных сил в Западной Черкесии и преображением политического ландшафта региона [Султан Хан-Гирей 2009: 468–474; Проблемы 1998; Чирг 2015 и др.]. На Центральном Кавказе, в Кабарде и ее непосредственном социальном окружении, процессы общественной эволюции были не столь очевидны и находились в тени экзистенциального военно-политического конфликта с Российской империей. Однако отечественные исследователи уже давно проводили параллели между этносоциальными процессами на Северо-Западном и Центральном Кавказе, соотнося между собой их содержание и долговременные последствия для их субъектов. Так В.Х. Кажаров отмечал, что «...и в Кабарде почти за 30 лет до Бзиюкской битвы наблюдалось еще более значительное по масштабам антифеодальное движение, но оно, как известно, не имело таких социальных последствий, какие были отмечены у шапсугов, нахуйцев и абадзехов» [Кажаров 2014: 183]. В Кабарде, по его мнению, развитие общества в XVII–XVIII вв. «сводилось к бесконечному повторению прежних социальных образцов, демонстрируя свою неспособность с самоорганизацией и прогрессу» [Кажаров 2014: 524]. Различия в причинах, характере, формах и результатах «классовой борьбы» были, по мнению автора, детерминированы спецификой социально-экономического развития черкесских политетий в предшествующие столетия, а также разницей в роли внешнеполитического фактора, т.е. воздействия со стороны Российской империи, осуществлявшей колониальную экспансию в регионе [Кажаров

2014: 183–184]. К сожалению, абсолютное большинство отечественных исследователей в своих работах рассматривают этносоциальные процессы на Северо-Западном и Центральном Кавказе изолированно, что снижает их релевантность задачам научного осмысливания исторического процесса в регионе во второй половине XVIII в. [Покровский 1989; Проблемы 1998; Чирг 2015 и др.]. В данной статье мы предлагаем выделить очевидные универсальные и частные, особенные черты в динамике этносоциальных процессов в Западной Черкесии (на Северо-Западном Кавказе) и Кабарде с ее многочисленной клиентелой (Центральный Кавказ). Без этого предварительного обобщения, на наш взгляд, невозможна исследовательская работа по адекватному осмысливанию всего разнообразия форм и методов взаимодействия политий региона с осваивавшей его Российской империей.

Источниковой базой для нашего исследования служат нарративные источники, особенно такие незаменимые для истории Северного Кавказа Нового времени как «Книга путешествий» Эвлия Челеби, записки европейских путешественников и исследователей XVIII–XIX вв., труды Султана Хан-Гирея, а также архивные документы, как ранее опубликованные, так и извлеченные из Центральных архивов [АБКИЕА 1974; Бутков 1869а; Бутков 1869б; КРО 1957; МПИО 1933; РОО 1976; РОО 1984; Султан Хан-Гирей 2009; Челеби 1979; Штедер 2016; РГАДА и др.].

Наиболее очевидным признаком масштаба процессов общественной эволюции, имевших место на Северо-Западном и Центральном Кавказе, является этнодемографическая динамика, практическое исчезновение старых политий Княжеской Черкесии и появление новых этносоциальных единиц, не известных более ранним источникам. В 60-х годах XVII в. в описании Эвлия Челеби Черкесия предстает как непрерывная цепь феодальных владений во главе с наследственными правителями – *беями*, от таманских черкесов и Хегака на Нижней Кубани до среднего течения Сунжи, где адыгские владения смыкались с границами «исламского Дагестанского падиахства» [Челеби 1974: 42–104]. Турецкий путешественник, описывая черкесские земли, совершенно не упоминает натухайцев, шапсугов и абадзехов, которые на рубеже XVIII–XIX вв. уже составляли три четверти населения Северо-Западного Кавказа [АБКИЕА 1974: 236–244]. Такой взрывной рост численности субэтносов, даже не упоминающихся в номенклатуре черкесских политий середины XVII в. необъясним без корректной интерпретации источников. По ходу своего повествования Э. Челеби постоянно упоминает об «абазах», как ближайших южных соседях и часто антагонистов черкесских беев: «Упомянутая гора Оюз [расположена] между [землями] абхазов и черкесов – это высокая гора с пестрыми утесами, и зимой и летом на ней нет недостатка в снеге ... Они (жанеевцы – К.З.) постоянно воюют с садаша-абхазами и убивают их ... В общем же все племена абхазов враждебны по отношению к этим кочевым племенам черкесов. [Так что] у них в конце концов нет ни одного дня, свободного от битв и столкновений – каждый день с разных сторон приходят врачи» [Челеби 1979: 63, 66]. Переводчики и авторы комментариев «Книги путешествий» отмечают, что в оригинальном тексте Э. Челеби для обозначения абхазов и абазин используется один термин – «абаза» [Челеби 1979: 218]. Действительно, экзоэтноним «абхаз» традиционно был характерен для картвелоязычной этнографии и использовался исключительно для обозначения населения Абхазского княжества. В османской и черкесской этнографии он отсутствовал. А термин «абаза» имел универсальное значение, «так назывались представителями черкесских племен все племена абхазские (в самом широком смысле, включая сюда и ... убыхов) (т.е. убыхи и все локальные группы абхазо-абазинской языковой ветви черноморского побережья и горной зоны Северо-Западного Кавказа – З.К.), объединявшиеся общностью языка и культуры и жившие к югу от черкесов» [Генко 1955: 7]. Кроме того, по свидетельству Хан-Гирея, этникон «абазэ» еще в первой половине XIX в. имел гораздо более широкое семантическое поле: «Абхазы землю свою называют Апсне,

а себя именуют апсь-о; грузины их называют абхазеты, а черкесы абадце, относя сие наименование собственно к абхазцам; впрочем, черкесы, живущие на северных равнинах за Кубанью, т.е. в княжеских владениях, называют нередко племена *абадзехское, шапсхское и натххоккоадьское вообще «абадцэ», как бы желая под этим названием означать людей грубых*; иногда даже скромные в похвалах к самому себе дворяне из этих племен, говоря о своем значении, произносят: «Конечно, я, как абадзинский дворянин, не знаток в вежливости, но надеюсь поддержать приличия, званию дворянина свойственные». При всем том, однако ж, *название «абадцэ», принадлежащее абхазцам, дают этим черкесским племенам потому только, что они живут с ними в соседстве и связях*. Наоборот, эти племена, т.е. абадзехское, шапсхское и натххоккоадьское, *в некоторых случаях княжеским владениям, говоря вообще, преимущественно присваивают название адхге* (т.е. *адыгэ – З.К.*), *хотя это наименование есть общее всему черкесскому народу* (разрядка наша – З.К.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 196–197]. Объединение локальных групп Княжеской Черкесии в единую группу и противопоставление их «грубым» натухаевцам, шапсугам и абадзеям, переводит дихотомию «адыгэ-абазэ» в социальную плоскость. Характеризуя в целом враждебные взаимоотношения между черкесами и «абазами», Э. Челеби переводит их в мистическую плоскость антагонистической борьбы сверхъестественных сил. Находясь в Черкесии, в ночь на 25 апреля 1666 г. он якобы стал свидетелем грозы необычайной силы, во время которых, по свидетельству местных жителей обычно происходят битвы на земле и на небе между абазскими и черкесскими оюзами – степными колдуналами [Челеби 1979: 66]. Однако, судя по другим данным турецкого путешественника, черкесы-бжедуги («страна Боздук») имели много общего с «абазами» в характере и обычаях из-за постоянной торговли и тесных связей с ними. [Челеби 2009: 75].

На наш взгляд, «абазы» Э. Челеби, локализуемые им как непосредственные южные соседи хегаков, жанеевцев, бжедугов, кемиргоевцев и хатукаевцев, несмотря на отсутствие конкретных упоминаний, очевидно должны быть идентифицированы с ядром будущих натухайцев, шапсугов и абадзеев. Тем более, что устная черкесская традиция, связывает начало формирования этих субэтносов с эпохой князя Инала. Так, в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмов упоминает о столкновениях родоначальника княжеских династий Черкесии с предками абадзеев: «...Южные горцы взбунтовались, под предводительством опского князя Оздемира ... Когда они узнали, что против них собирается сам Инал с войском, то Оздемир удалился в Абхазию (на оригинальном языке черкесских преданий Абазию – З.К.). Инал пошел за ним к *абазеям* и истребил много людей в том народе за их непокорность. В этой войне Оздемир лишился жизни» [Ногмов 1994: 95]. Под именем *Оздемир-хе* (т.е. Оздемировы) Султан Хан-Гирей, упоминает одно из двух «отраслей» - аристократических объединений дворян – тлекотлешей Абадзехии. *Оздемир-хе* состояли из пяти тлекотлешских фамилий, связанных соприсяжным братством. Вероятно, что они сохранили в своем названии имя родоначальника – современника князя Инала [Султан Хан-Гирей 2009: 168–169]. Шапсугские предания также упоминают родоначальника аристократической фамилии тлекотлешей Абат, «который был родом из кабардинских владельцев», в качестве своего предводителя еще с легендарных времен проживания предков Инала в Крыму, т.е. никак не позже XV в. [Султан Хан-Гирей 2009: 171–172].

Таким образом, «абазские горы», с которых стекают упоминаемые турецким путешественником реки Абин, Хабль, Иль, Абурган, Афипс, Шебш, Псекупс, Шагваще (Щъэгуашэ или Белая – З.К.) и другие реки Западной Черкесии, во времена Э.Челеби, как и гораздо позднее, на рубеже XVIII–XIX вв. были ядром этнической территории натухайцев, шапсугов и абадзеев [Челеби 1979: 63, 65, 66, 68; АБКИЕА 1974: 215–216, 239, 241–243].

С подобной интерпретацией данных «Книги Путешествий» коррелирует «Описание Черкесии» французского консула в Крыму К.Главани. Почти через 60 лет после Э. Челеби он обозначает Черкесию политически и географически как страну, которая «... делится на 14 бейликов (т.е. княжеств – З.К.), или округов, самостоятельных каждый в своих границах», расположенную за Кубанью и граничащую на юге «с Абазой, прилегающей к горе Кавказу и простирающейся до берегов Черного моря» [АБКИЕА 1974: 158–159].

Демографический и военный потенциал «абазских» субэтносов Западной Черкесии уже в первой половине XVIII в. по свидетельству современников был весьма значительным. Со слов кабардинского князя Бамата (Мухаммаеда) Кургокина, опрошенного в 1747 г., он был сопоставим с потенциалом Крымского ханства: «Есть де абазинцы или абазыкеи и турецкоподданные, которые живут за Кубаном в горах близ Крыму, и оные де абазинцы временно бывают крымскому хану послушными, а другим в противности находятся, которых де в собрании быть может немалое число, так что и Крым едва может их осилить. *И живут де в крепких гористых местах* и с нами де оныя абазыкеи бывали в войне. А ныне де с нами в дружбе (курсив наш – З.К.)» [КРО 1957: 141].

Еще более характерно описание Баматом Кургокиным, собственно Черкесии: «А черкесы – общее же слово, все живущие в Кубане по сю сторону Черного моря даже до Брагунской деревни темиргойцы, джадуги, жена, атукаи и прочия» [КРО 1957: 141]. То есть кабардинский князь перечислил крупнейшие субэтносы западной части Княжеской Черкесии (кемиргоевцев, бжедугов, жанеевцев, хатукаевцев), а об «абазыкеях» сообщил отдельным пунктом, демонстрируя актуальность дихотомии *адыгэ жылэ-абазэ жылэ* в отношении двух групп адыгского населения Северо-Западного Кавказа для середины XVIII в.

Нarrативные источники конца XVIII – первых десятилетий XIX вв. дают совершенно иную картину демографического состояния Черкесии. Хегаки, жанеевцы, хатукаевцы едва сохранились как отдельные субэтнические группы адыгского населения, а кемиргоевцы и бжедуги были оттеснены к левому берегу Кубани. Северные долины от Анапы и черноморского побережья до Афипса, которые в 60-х годах XVII в. были частью Хегака, Жанеевского княжества, Хатукая, в нач. XIX в. занимали многочисленные натухаевцы и шапсуги [Челеби 1979: 56–65; АБКИЕА 1974: 215, 239, 241, 243].

Если в 60-х годах XVIII в. кемиргоевцы, «живя в крепких горах, пахотные места имели в низине и предгорьях», то к концу века они совместно с егерукаевцами и адамиевцами были вытеснены агадзехами в низовья Белой и Лабы [КРО 1957: 179; АБКИЕА 1974: 240]. Агадзехия источниками 60-х годов XVIII в. локализовывалась в верховьях р. Белой, выше Кемиргоя [КРО 1957: 179]. К началу же XIX в. агадзехи, некогда жившие в высокогорной зоне Северо-Западного Кавказа, заселили долины Псекупса, Пшиша и Пшеха, вытеснив бжедугов и кемиргоевцев [АБКИЕА 1974: 239]. Только бесленеевцы удержались на своих старых землях в долине Лабы, сохранив этническую территорию и демографический потенциал [Челеби 1974: 78–79; АБКИЕА 1974: 158, 160, 236].

Резкий, взрывной рост численности одних субэтнических групп Северо-Западного Кавказа на фоне депопуляции других в течение второй половины XVIII в. был взаимосвязанным процессом. И это было очевидно современникам. Г.Ю. Клапрот, посетивший Северный Кавказ в 1807 -1808 г. оставил следующее описание современной ему этносоциальной динамики:

«Агадзехи – значительный по количеству народ черкесского происхождения. Они жили прежде на самых высоких снеговых горах западного Кавказа. Но так как их число все время возрастало, они спускались до черных сланцевых гор, и здесь еще более усилились, захватывая повсюду людей, которые стали крестьянами агадзехов. К ним также пришло много чужеземных беглецов и поселилось

среди них; в результате произошло такое смешение, что в настоящее время одни только знатные – настоящие абадзехи ... Шапсуги...того же происхождения, что и кабардинские черкесы, но так как подобно абадзехам они принимают всех беглых, они так смешались, что среди них остались лишь очень немногие чистой черкесской крови»[АБКИЕА 1974: 239, 241].

В унисон этому описанию, Хан-Гирей характеризует одно из крупнейших черкесских «племен» рубежа XVIII–XIX вв.: «...Абадзехское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и, как последних не-сравненно было более (разрядка наша – З.К.), то все они сделались черкесами, и ныне абадзехское племя есть настоящее черкесское колено и весьма сильное между прочими. Наречие абадзехов есть наречие низовых черкес, хотя оно имеет отличительный выговор, который есть их собственный, а не абхазское или какого-либо другого племени» [Султан Хан-Гирей 2009: 168].

Экспоненциальный рост численности натухайцев, шапсугов и абадзехов во второй половине XVIII в. имел несколько причин. Во-первых, естественный прирост населения в горах был вызван широким распространением новой сельскохозяйственной культуры – кукурузы, имевшей принципиально иную, многократно более высокую урожайность, чем традиционные для черкесов злаковые (просо, ячмень, пшеница). Во-вторых, широкое распространение огнестрельного оружия на Северном Кавказе, как и везде в мире, резко снизило значимость относительно небольших хорошо тренированных, обученных корпораций наследственных военных – *пии-уроков*, в пользу пусть не профессионального, но многочисленного и мотивированного ополчения, оснащенного доступным оружием, не требующим для своего освоения многолетней подготовки. Образно, оба эти фактора выражены в фольклорной традиции в сюжете о сватовстве к знаменитой абадзехской красавице Четаевой Хасас. Она отказалась Асланчерию – сыну кемироевского князя Айтчча Болоткова заявив следующее: «Я выйду замуж за такого мужчину, который умеет владеть тяпкой и своим ружьем, ходить полоть свою долю земли, держа вместе свою тяпку и ружье (курсив наш – З.К.). И чтобы он, услышав о начале битвы, откладывал в сторону свою тяпку и воевал вместе с другими, и возвращался домой с синими от пороха (т.е. порохового дыма – З.К.) губами» [Брантов 2014: 67–68]. Кукуруза, которую можно было возделывать даже на небольшой делянке легкими ручными орудиями труда, обеспечивая семью всем необходимым, и огнестрельное оружие, как средство противодействия гегемонистским устремлениям черкесской аристократии, стали материальным фундаментом эгалитарных преобразований, которые изменили этнополитический ландшафт Северо-Западного Кавказа.

Организационное оформление новых экономических и военно-технологических тенденций, происходило в Западной Черкесии благодаря такому общественному институту как «обычный устав соприсяжного братства». Он заключался в том, что любой человек, или беглец, обратившийся к какому-либо роду за защитой и покровительством, после принесения присяги, становился его членом, принимая на себя обязательство «быть верным новому своему обществу и исполнять основные того рода или фамилии условия» [Султан Хан-Гирей 2009: 178]. Время возникновения этого общественного института уже в 30-х годах XIX в. было неясно современникам, но о последствиях его широкого функционирования Хан-Гирей написал очень красноречиво:

«... Как бы то ни было, обычный этот устав соприсяжного братства был гробом власти высшего класса во всей Закубанской Черкесии. Подвластные князьям и дворянам люди соседних владений, крепостные или вольные земледельцы, при малейшей обиде или угрозе со стороны владельцев, даже и без того, начали переходить к ним (натухайцам, шапсугам, абадзехам – З.К.), где были принимаемы и водворямы, что, постепенно умножая силы и населенность тех, ослабляло и уменьшало других. Чрез такое усиление простой класс, то есть вольные

земледельцы, в вышеупомянутых трех племенах наконец достиг до возможности разрушить и власть дворян, над ними господствовавших... Следствием этого соприяжного собратства в племенах абедзахском, шапсугском и натххокоадьском *до основания разрушилась самобытность владений венесского, ххеххадчского и жанинского*. Простой класс этих владений, даже и большая часть крестьян, принадлежавших дворянам и князьям, присоединяясь к племенам, имеющим соприяжное собратство, соделались членами родов, составляющих эти племена; а владельцы их *рассеялись по всей Черкесии, и все княжеские владения приведены были в бессильное состояние* (курсив наш – З.К.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 179].

Остается дискуссионным вопрос о степени феодализации изначального этно-социального ядра натухайцев, шапсугов и абадзехов до общественного переворота второй половины XVIII в. Хан-Гирей, на наш взгляд, допустил сильное преувеличение в своем утверждении, что «роды или фамилии вольных земледельцев (льфекотлы) в племенах ныне имеющих народное правление, а именно: в абедзахском, шапсугском и натххоккоадьском, в прежние времена будучи подчинены власти дворянства на разных условиях, находились почти в такой же зависимости, в какой состоит этот класс в княжеских владениях» (курсив наш – З.К.) [Султан Хан-Гирей 2009: 178].

Во-первых, у нас есть запись в Коллегии иностранных дел России от 1743 г. расспросных речей кабардинских князей Магомета Атажукина и Альдигире Гильяксанова, в котором содержится одно из первых развернутых упоминаний об абадзехах и шапсугах: «Большая Абаза, близ Черного моря. Имеют особливый язык, путь к ним лежит через Кубань, владельцев не имеют, а правят между ими старики. Закона никакого не содержут и ни у кого не в подданстве. Другой народ Шапсо, соседственный Абазе, имеет особливый язык, и такое же правление, а закона не имеет. А дорога к ним через Кубанское владение Темиргой» [МПИО 1933: 32]. Упоминание о патриархальном управлении, отсутствии феодальных сюзеренов, организованной религиозной практики («закона») у шапсугов и «кабазов» рисуют несколько иную социальную действительность. Сам Хан-Гирей в других своих работах не столь категоричен как в «Записках о Черкесии»: «...Шапсугское дворянство господствовало в своем поколении, защищало народ от чужеплеменного насилия, доставляло ему выгоды от сношений с соседними племенами, с которыми оно всегда имело дружественные связи и, таким образом, дворянство приобрело сильное влияние, которое можно было назвать властью; но пределы этой власти, кажется не были с точностью и ясностью означены общественными условиями; и поэтому, часто упоминая о правах сословий шапсугского поколения, мы не объясняли, в чем они заключались: мы не могли этого и сделать» (курсив наш – З.К.) [Султан Хан-Гирей 2009: 474].

Аристократия натухайцев, шапсугов и абадзехов и сама состояла между собой в отношениях соприяжного братства, но сословная разборчивость мешала им широко пользоваться этим обычаем для увеличения своей численности: «Дворянство, гордясь своею древностью и сильное своими преимуществами, не хотело унизить себя родственными связями с людьми низкого происхождения, а народ, напротив того, принимал в свой круг каждого пришлеца и, так сказать, усыновлял его: пришлец присягал быть верным клану, к которому приставал, а тот, со своей стороны, также присягал охранять безопасность нового своего члена. Таким образом, клан увеличивался ... Здесь-то и должно искать причины развития понятий народа о свободе, следствием которых был упадок влияния и власти дворянства; но этот переворот совершился не вдруг, а постепенно и почти неприметным образом, без предварительного кем-либо соображения последствий» [Султан Хан-Гирей 2009: 468].

Очевидно, главным содержанием этносоциальной эволюции на Северо-Западном Кавказе было не столько демократизация управления у самих натухайцев,

шапсугов и абадзехов, сколько дезинтеграция и депопуляция старых княжеских владений Северо-Западного Кавказа – Хегака, Жанея, Хатукая и даже более устойчивых Бжедугии и Кемиргоя. Собственно окончательный демократический переворот и падение политического влияния и авторитета аристократии у натухайцев и абадзехов произошел без резких эксцессов. Только история изгнания шапсугами тлекотлешей Шеретлоковых, сопровождавшаяся десятилетием кровавой войны, продемонстрировала волю к сопротивлению объективным историческим процессам со стороны черкесской аристократии.

Шеретлоковы разграбили проезжих торговцев, бывших под покровительством членов одного клана и убили при этом случае двух защитников и покровителей: *«В прежние времена это ничего не значило: дворяне позволяли себе еще и не такие насилия; но теперь народ уже чувствовал свое могущество, решился отомстить и сильною массою напал на дом одного из дворян, разграбил его, захватив крепостную девушку и оскорбил мать дворянина грубыми словами и побоями. Это был почти первый пример посягательства народа на честь и права, присвоенные дворянину и его дому коренными обычаями»* [Султан Хан-Гирей 2009: 469]. То есть, свидетельство Хан-Гирея лишний раз доказывает, что шапсугская аристократия и до обострения конфронтации с народной массой пользовалась скорее политическим влиянием и особыми правами на защиту родовой чести, чем реальной политической властью феодального типа, основанной на крупном землевладении, судебных и фискальных правах и т.д.

Последствия этого инцидента хорошо известны. Шеретлоковы обратились к бжедугам-хамышеевцам за покровительством, последние не без колебаний решились его оказать. Крупнейшим военным столкновение стала Бзиюкская битва, в которой победу одержали бжедуги. Шапсуги, по свидетельству Хан-Гирея, потеряли 800 человек убитыми, а бжедуги своего знаменитого лидера – верховного князя Батчерия Хаджимукова [Султан Хан-Гирей 2009: 469–473; Инструментальные наигрыши 1986: 246–250].

В описании этих событий Хан-Гиреем и фольклорных сюжетах, посвященных ему, отражаются реалии уходящей феодальной эпохи и новая фактура конца XVIII в. Хан-Гирей мимоходом предваряет описание Бзиюкской битвы: «...Они (бжедуги – Ред.) презирали шапсугов и всегда побеждали их в открытом поле (курсив наш – З.К.)» [Султан Хан-Гирей 2009: 471]. Высокомерие военной аристократии хамышеевцев по отношению к плохо организованному крестьянскому ополчению шапсугов базировалась на сознании своего профессионального превосходства. Оно проявилось в битве и привело к победе, которая оказалась пирровой. Ответом на это сословное высокомерие стала знаменитая фраза, сказанная простой шапсугской женщиной, которая потеряла в битве мужа и двух сыновей: «Потерю шапсугов шапсугские женщины могут пополнить в одну ночь, а такого князя, как Батчерий, у бжедугов в сто лет не будет» [Проблемы 1998: 97]. Демографический навес, который получили натухайцы, шапсуги и абадзеи над «аристократическими» субэтносами Западной Черкесии благодаря этносоциальной динамике второй половины XVIII в. давал возможность противопоставить архаичной, но эффективной в открытом бою военной культуре привилегированных сословий многочисленность и массовую мотивацию. В результате, проиграв генеральное сражение, шапсуги выиграли войну.

Изгнание Шеретлоковых датируется 1792 г. а формальное примирение их с народом произошло на специально созванном в 1803 г. народном собрании: «Съезд сей был на р. Псчетникко, находящейся в 5-ти верстах от крепости Анапы на воссток, почему и назван именем сей речки» [Султан Хан-Гирей 2009: 110–111, 194; Чирг 2015: 44–45]. Шеретлоковы вернулись на родину, но вынуждены были согласиться на уравнение в правах с народом. Было принято решение практически сравнять цену крови, размер штрафов, право на оказание гостеприимства и покровительства и т.д. дворян и свободных земледельцев-тфокотлей [Султан Хан-Гирей

2009: 474–475; Чирг 2015: 45–46]. Шеретлоковы не смогли вернуть даже своих личных оброчных крестьян, что «составляло главную потерю дворян»: «Народ прямо не вступался за этих людей; по крайней мере он не требовал от дворянства решительного отказа от своих прав над ними; но между тем и не выдал их владельцам, которые будучи сами не в состоянии без помощи народа снова покорить их своей власти, потеряли их на самом деле, хотя до сих пор не отказываются от права на них» [Султан Хан-Гирей 2009: 475].

Если исследовательская работа по изучению и детализации этносоциальных процессов на Северо-Западном Кавказе наталкивается на ряд объективных трудностей, связанных с недостатком исторических источников, в первую очередь архивным материалом, то этно-демографическая, социально-политическая динамика на Центральном Кавказе – в Кабарде и вокруг нее, достаточно подробно отражена в архивных документах, значительная часть которых уже опубликована [Бутков 1869а; Бутков 1869б; КРО 1957; МПИО 1933; РОО 1976; РОО 1984]. Как и в Западной Черкесии, на Центральном Кавказе во второй половине XVIII в. актуализируется кризис иерархических институтов политической власти и самоорганизации общества, осложненный этническим многообразием, а также усиливающимся влиянием Российской империи, которая со второй половины XVIII в. начинает планомерно усиливать свое административное и военно-политическое присутствие в регионе.

Основание в 1763 г. крепости Моздок стало триггером обострения долго копившихся социальных противоречий в Кабарде и этносоциальных конфликтов на всем Центральном Кавказе. Крупнейшее антифеодальное выступление непривилегированных сословий в истории Кабарды произошло летом 1767 г. Оно было ответом на попытку кабардинских владельцев организовать переселение подвластного населения в верховья Кумы, чтобы предотвратить резко участившиеся случаи побегов зависимых крестьян [КРО 1957: 269–273]. Беглецы, «тукашуки и коджары» (поземельно зависимые крестьяне *лъхукъуэцо* и лично зависимые, крепостные «*къэжэр*» или *льэгъунэпыт*» – З.К.) пытались таким образом найти защиту от произвола своих владельцев или обрести статус свободного человека. Кабардинские князья жаловались представителям местной русской администрации: «Рабов у нас не осталось, все бегут, а вы их принимаете, и нам без рабов и рабынь пробыть не можно» [КРО 1957: 269]. Массовость восстания 1767 г. (10 тыс. участников) демонстрирует степень остроты социальных противоречий в Кабарде между привилегированными и непривилегированными сословиями. Последние резко выступали против нарушения норм эксплуатации, произвольного повышения податей, насильтвенного обращения в холопы членов семей и т.д. Отдельным пунктом восставших было требование, чтобы «имеющиеся у них, чагар, собственных уже их холопей, оставили в их воле, и как владельцы, так бы и уздени в них не вступались, и единственно всех своими холопами не зачисляли» [КРО 1957: 272]. Последнее требование свидетельствует, что социальной базой восстания была самая экономически состоятельная и влиятельная часть непривилегированных сословий – чагары или *лъхукъуэцо*, имевшие право владеть холопами и практически идентичные по своему социальному статусу западночеркесским тфокотлямвольным землевладельцам [Думанов 1990: 152–164]. Кабардинские владельцы были вынуждены явиться в лагерь восставших в уроцище Бештамак и клятвенно обещать выполнить все их требования, а переселение на Куму отложить [КРО 1957: 272–274]. Мирное разрешение конфликта не сняло принципиальных противоречий между кабардинской аристократией и усилившейся массой непривилегированных сословий. В ноябре 1777 г. астраханский губернатор И.В. Якоби сообщал в Коллегию иностранных дел: «Старейшины черного кабардинского народа от всего подвластного общества в нынешнюю мою бытность на линии приезжали ко мне тайно от своих владельцев ... Неутешно они жаловались мне, что князья и

узденья их не только разоряют, но отымают, жон и детей их продают во отдаленные горския жилища, в Крым и в самую турецкую область» [КРО 1957: 323]. Попытки заручиться поддержкой имперского правительства в борьбе с произволом своих владельцев с намеками на готовность массово переселиться под защиту ново учрежденной Азово-Моздокской кордонной линии, и даже ходатайство астраханского губернатора, были заведомо обречены на провал. Социальный строй самого Российского государства был основан на феодальных началах и внеэкономической эксплуатации массы зависимого крестьянства. В Коллегии иностранных дел посчитали нецелесообразным вмешиваться во внутренние социальные конфликты кабардинцев по многим причинам экономического и политического характера. Кроме того, русское правительство, на наш взгляд, вполне основательно предложило неискренность «старейшин черного кабардинского народа» и намеренное преувеличение ими злоупотреблений кабардинских владельцев: «...Чтоб тогдашние владельцы поступали с ними склоннее, а нынешния с своими суровее, кажется поверить трудно, ... а вероятнее, что прежния сносили, чего нынешния не хотят, пришед во искушение свободы от приближения к их жилищам здешних крепостей» [КРО 1957: 330]. В то же время, русское правительство обещало «равным образом в пособие владельцев» не вступать, если «старшины черного народа» в Кабарде своими силами будут принуждать их к каким-либо уступкам в свою пользу [КРО 1957: 330]. С обострением кабардино-русских отношений внутренние социальные конфликты в Кабарде ушли в тень, однако пассивность массы непривилегированных сословий накануне и во время семимесячной войны 1779 г. свидетельствует, что конфликт между господствующими и зависимыми группами населения продолжал оказывать деструктивное влияние. В 1777 г. в отказ кабардинского «черного народа» принять участие в нападении на строящиеся укрепления Азово-Моздокской кордонной линии сорвал планы владельцев Большой Кабарды [КРО 1957: 324; Бутков 1869б: 52]. В ходе семимесячной войны 1779 г. латентный конфликт и отсутствие полного доверия между аристократией и зависимыми сословиями проявился в ходе битвы на Малке 29 сентября, когда основная часть войска отступила, не предприняв даже попытки деблокировать окруженный русскими отряд, состоявший из одних князей и дворян [Бутков 1869б: 52–57].

Внутри Кабарды кризис иерархических, элитарных по духу традиционных общественных институтов проявлялся как крайнее обострение отношений между феодальной элитой и зависимыми сословиями. В социальном окружении Кабарды этот кризис во второй половине XVIII в. протекал как острая конфронтация кабардинской аристократии с ее многочисленными вассалами и клиентами из числа соседних горцев Центрального Кавказа. Последние так же, как и «старшины черного народа» в Кабарде, пытались выйти из-под власти своих сюзеренов или существенно ослабить их влияние, поставить под сомнение легитимность традиционных феодальных прав и привилегий кабардинской аристократии, в первую очередь, феодальное право собственности на землю. Горцы Центрального Кавказа, страдавшие от малоземелья, стремились использовать окно возможностей, предоставляемое благодаря проникновению в регион третьей силы – Российской империи и кризису в Кабарде традиционных общественных институтов. Русское правительство традиционно признавало легитимность сюзеренно-вассальных отношений между Иналидами Кабарды и зависимыми от них горцами Центрально-го Кавказа. Например, в начале 1753 г. русское правительство, отвергая претензии Крымского хана к кабардинским князьям, сделало следующее «изъяснение Оттоманской порте»:

«Хотя река Инжик (Большой Зеленчук – З.К.), на которой... абазинцы живут, лежит за рекою Кубаном и впадает во оную, однако же чрез то принадлежности их к кабардинцам опровергнуть невозможно, ибо напротиву того – надлежит взять в разсуждение и реку Тerek, о которой известно, что течение имеет в границах

Всероссийской империи, и на которой с одной стороны имеются немалые российские жилища, а с другой живут подданные е.и.в. кумыки, андреевцы, аксайцы, брагунцы и чеченцы... А в вершинах оной в горах находятся народы..., которые Всероссийской империи не в подданстве, а ... во владении у тех же кабардинских владельцев» [КРО 1957: 188].

Северокавказские абазины были одной из самых уязвимых частей населения региона, которое периодически становилось яблоком раздора между политическими субъектами, претендующими на верховную власть над ними с правом взимания налогов. Этим объясняется исключительная мобильность и подвижность поселений северокавказских абазин. Во время русско-турецкой войны 1736–1739 гг., кабардинские князья отвоевали у крымцев «абазинских черкес» и переселили их в Кабарду [КРО 1957: 96–97]. В 1744 г., на момент создания первой ландкарты Кабарды, абазины-тапанта локализовывались на территории Пятигорья: «Нижние Абазы. В них деревень с пятнадцатью, называются обще Танбиюкай... Средние Абазы. В них деревень против Нижних Абаз вдвое или более. Екепцовские Абазы... Верхние Абазы. Вышесписанные Абазы, называемые по-татарски алтыкесек или шесть частей, ... принадлежат и подать платят владельцам Большой Кабарды» [КРО 1957: 194–195].

К 1753 г. все абазинское население Большой Кабарды, за исключением Нижней Абазы и бабуковцев, было переселено кабардинскими князьями в Верхнее Прикубанье – в долины Большого и Малого Зеленчуков» [КРО 1957: 194–195].

Изменение внешнеполитической ситуации, основание сети кордонных линий, затруднивших устойчивую коммуникацию, привело к тому, что Иналиды Кабарды в ходе начавшейся очередной русско-турецкой войны (1787–1791) приняли активное участие в походе на Кубань русских войск с целью перевести своих давних вассалов абазин-тапанта на Куму [КРО 1957: 359]. Абазины-ашхарапа во второй половине XVIII в. устойчиво занимали верховья Большой и Малой Лабы, Урупа и Большого Зеленчука. Их локализация на протяжении всего периода практически не менялась [АБКИЕА 1974: 236–237]. Проблему сохранения устойчивых сюзеренно-вассальных отношений с абазинами успешный поход 1787 г. решить не мог, так как кабардинские князья постепенно утрачивали политическую власть за пределами собственных домениальных владений. С 1791 г. официальной границей Российской империи стала Кубань, что отрезало Иналидов Кабарды от их вассалов и клиентов на левобережье Верхней Кубани, а район Пятигорья оказался под непосредственным административным управлением учрежденной в 1785 г. Кавказской губернии.

Наиболее опасной с точки зрения соотношения демографических и военно-политических потенциалов была граница Талостанея и Джиляхстанея соответственно с осетинскими и ингушскими горскими обществами. По сообщению самих кабардинцев в 1743 г. в Коллегию иностранных дел России, их отношения с горцами Центрального Кавказа традиционно складывались непросто, оставляя широкий простор для организованного насилия:

«Оные горские народы ни у которого государя не в подданстве и никому ими действительно овладеть невозможно, за тем, что живут в крепких и непроходимых местах. И когда Большой Кабарды владельцам случается над ближними им народами чинить поиски, и тогда ходят на них партиями от пятидесяти до двухсот человек, и напредь тайным образом осмотря захватят тесные проходы, и для охранения... оставляют.. несколько человек.. пеших с ружьем и таким образом учения поиск возвращаются с добычею... Напротиву того и с тех горских народов по несколько человек, ночным временем приходят и зажигают их, кабардинские деревни, от чего – им и немалые разорения приключаются» [МПИО 1933: 32–33]. Фактически динамика кабардино-горских отношений по данным первой половины XVIII в. поразительно напоминает характер черкесско-абазского противостояния середины XVII в. в изложении Э. Челеби.

Несмотря на все усилия кабардинцев, вторая половина XVIII в. стала периодом сокращения территории их землепользования в зоне контакта с горцами Осетии и Ингушетии. Кабардинские аулы Инарук, Джагыш, Чилхабан, Бештаук, Насран, Эндер, Абай, Хапци, Хан, Пышт, еще в 40–50-х годах XVIII в. располагавшиеся по Сунже и ее притокам – Назрани и Эндерипсу, из-за неприязненных отношений с ингушами и чеченцами были вынуждены покинуть эти территории и переселиться на правые притоки Терека – рр. Курп, Пседах и Камбилиевку [КРО 1957: 196, 197].

В 1781 г. русский офицер Л.Л. Штедер в этом местах, на правом берегу Сунжи и ее притоках застал лишь следы старых кабардинских поселений «...надгробные памятники, абрикосы и другие фруктовые деревья их прежних садов и т.п.» [Штедер 2016: 16–17, 31–32]. Картографические материалы второй половины XVIII в. отмечают уход кабардинцев из междуречья Сунжи и Камбилиевки, которое к этому времени уже занимают ингуши [РГАДА Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа. Д. 4].

Население Талостанея и Джиляхстанея в течение второй половины XVIII в. переместилась в западном и северном направлениях. Лишь деревни Борукиных (500 дворов на притоках Ардона) и Алимурзиних (500 дворов на р.Фиагдон) остались на своих прежних местах. Остальные селения Малой Кабарды, в нач. XIX в., чтобы избежать нападений горцев переселились к Сунженскому хребту, а затем передвинулись на его северную сторону [АБКИЕА 1974: 276–277].

Фиксируя зону отчуждения и безопасности, которая возникла между горами Осетии и поселениями Малой Кабарды Л.Л. Штедер в 1781 г. писал: «Татартурская горная цепь тянется за селением в сторону Кавказа. Он замыкает здесь Сунжу и образует между Сунжой и Уругом (Урухом – З.К.) большую осетинскую равнину, одну из превосходных и плодородных местностей, по которой протекают 8 больших и некоторое количество малых рек; с помощью обработки она могла превратиться в счастливейшую местность, однако она лежит необработанной вследствие обоюдной боязни кабардинцев и горцев» [Штедер 2016: 90].

Обострение отношений кабардинцев с горцами Осетии и Ингушетии не в последнюю очередь было связано с миссионерской деятельностью Духовной комиссии, основанной в 1745 г. на Северном Кавказе российским правительством для возрождения христианства [МПИО 1933: 73; РОО 1974: 304]. В эпоху, когда вопрос вероисповедания был маркером политической лояльности, ревитализация православия на Центральном Кавказе расценивалась кабардинцами – мусульманами как усиление враждебного политического влияния, что сразу же почувствовали новообращенные христиане [РОО 1976: 304].

В 1756 г. ингушские старшины жаловались представителям русской администрации в регионе, что «...после того, как в народе нашем стало грекороссийский закон распространяться, то Большой Кабарды кабардинцы по своему варварскому обыкновению возымели на нас ненависть и злобу и стали нам разные обиды чинить, смертоубийства и воровски увозить нашего народа людей, отгоном лошадей, баранов, тако ж для пахания и кошения сена на наши степные места нас не допускают и в святом крещении чинят нам немалые препятствия и завсегда они, кабардинцы, нам говорят, зачем мы крестимся и в протекции ея императорского величества быть желаем» [РОО 1976: 419].

Перечень причиненных Духовной комиссии «от кабардинских владельцев с их уздени и подвластными обидах и разорениях» с 1752 г. по 1760 г. включает угony скота, ограбления, убийства, пленение и продажу в Закубанье и Крым ново-крещенных горцев – осетин и ингушей [РГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1575. Л. 1060–1062]. Наиболее интенсивно, судя по источникам, разворачивался конфликт между кабардинскими князьями и ингушами. В апреле 1760 г. владельцы Большой Кабарды Мисост Кургокин, Кази и Жанхот Бекмурзины с «братьями и... уздениями своими» отогнали 900 баранов у ингушей, причем последние понесли потери

убитыми и пленными [РОО 1976: 419]. Осенью 1772 г. «Большой Кабарды владельцы злобствуя на них в том, что они отринувши их подданство отдались в полное защищение е.и.в. и принимают крещение отогнали у них полторы тысячи скота, а потом и войну объявили, прислали к ним обнаженную стрелу, с тем изъяснием, чтоб всех их попленить и жилища их сожечи» [МПИО 1933: 152]. В начале 1773 г. при повторном нападении владельцев Большой Кабарды Бекмурзы и Гетагажа Касаевых, Кургоки и Мусы Карамурзиних ингуши потеряли убитыми 35 человек и лишились еще 700 баранов [КРО 1957: 307]. Отвечая на требования российских властей прекратить нападения на ингушей и объясняя свои действия, кабардинцы отвечали, что «ингушевский народ был издревле ими завоеван, и всегда они с них по обычаю подать брали, а ныне... не только не дают, но еще крадут у кабардинцев скот и увозят. И ... иным способом с ними зделаться не можно, кроме того, чтоб их усмирять оружием» [КРО 1957: 308–309].

Несмотря на военно-политическое давление со стороны кабардинцев, ингуши активно осваивали Тарскую котловину и нижнее течение Камбилиевки [МПИО 1933: 166; Волкова 1974: 158]. Примерно в 60-х годах XVIII в. ингуши постепенно осваивали земли по р. Сунже, которые ранее покинули кабардинцы [Волкова 161]. Уже по данным карты 1768 г. и источникам последней трети XVIII в., нижнее течение рр. Асса и Фортанга вплоть до слияния с Сунжей занимали ингушские родоплеменные подразделения – галгай, галашевцы и карабулаки [РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа. Д. 4].

Российское правительство, понимая традиционный характер сюзеренно-вассальных отношений кабардинцев с горцами Центрального Кавказа, избегало прямого вмешательства в их конфликты. Оно осознавало, что если бы «осетинцы на... кабардинские места выселились, они неминуемо и подвластными тамошним владельцам к немалому оных... усиливию, учиниться были бы должны, в чем со здешней стороны и препятствовать с... означенным трактатом (Белградским договором – З.К.) было бы не сходно, а ежели бы против воли кабардинцев на их землях осетинцов поселивши со всем тем не допускать кабардинцев ими пользоваться, в таком случае с Портою Оттоманскою и до самой крайности легко дойти могло б» [РОО 1976: 399].

После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. и формального присоединения Центрального Кавказа к России, русское правительство, обещая свое покровительство всем горским обществам, присягнувшим на верность, рекомендовало тагаурским алдарам, чтобы они, как вассалы кабардинских князей, «им показывали всякое уважение и ... подать из древности естли платят кабардинцам, отдавали беспрепятственно как бы и сих не встревожить» [РОО 1984: 265].

Коллегия иностранных дел в письме от 13 ноября 1780 г. к командующему Кавказским корпусом князю П.С.Потемкину также давала следующие инструкции: «Жители Малой Кабарды сим поселением в своих угодьях нужных и не были б может быть утеснены, но сказать могли б, что собственность их бесспорная отнимается насилиством... А чтоб сей жалобы и нарекания избыть, то переселяя осетинцев из гор на низкие места, и надлежало бы уже оставить в полной от кабардинцев зависимости, но сим... не было б также одержано здешнее намерение касательно осетинцов, чтоб их, наконец, видеть христианами и к здешней стороне без всякого изъятия и непосредственно приверженными» [МПИО 1933: 300].

Практика интеграции в социальное пространство Кабарды переселенцев из горной Осетии имела место еще в первой половине XVIII в. На карте Кабарды 1744 г. на р.Урух отмечено большое село дигорских феодалов Караджаевых [КРО 1957: 114, 196]. По соглашению с кабардинскими владельцами на равнинных землях, примыкавших к Дигорскому ущелью, на протяжении второй половины XVIII в. возникло еще 6 крупных осетинских селений [РГАДА. Ф. 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 244]. В них, по сведениям Штедера, проживало

более 3 тыс. человек или около 40% всех дигорцев [РГАДА. Ф. 23. Д. 9. Ч. 14. Л. 242–244.]. У выходов из ущелий на равнину рр. Ардон и Фиагдон алазирские и куртатинские осетины также основали 8 небольших выселков [МПИО 1933: 161–166; Штедер 2016: 83–85]. Не позднее 60-х годов XVIII в. и в долине Терека, также стали появляться новые поселения осетин [РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Карты Кавказа. Д. 4]. Всего на предгорных равнинах в долине Терека в конце XVIII в. проживало уже более 200 осетинских дворов [МПИО: 165–166; Берозов 1980: 43].

Резкое обострение кабардино-русских отношений после подавления кабардинского восстания 1779 г. дало повод имперским властям обязать владельцев Большой и Малой Кабарды не притеснять осетин и ингушей, т.е. не препятствовать им свободно использовать земли на равнинах и не вымогать дани [Бутков 1869б: 60]. Однако вплоть до конца XVIII в. российская политика, направленная на ослабление кабардинских владельцев «пресечением их связей с соседними народами... и отнятием доходов, приобретаемых от иноплеменных народов силою их оружия еще в давности покоренных», не имела физических возможностей для реализации этих стратегических задач [Бутков 1869б: 61].

Таким образом, на Северо-Западном и Центральном Кавказе во 2-й половине XVIII в. происходил единый процесс этносоциальной эволюции. Его содержанием был кризис иерархических институтов социально-политической самоорганизации. На Северо-Западном Кавказе он происходил в форме разрушения и депопуляции политий Княжеской Черкесии и формирования новых динамично развивающихся субэтносов, объединивших подавляющее большинство населения на основе своеобразных сетевых структур – соприсяжных братств. Интенсивность этносоциальной динамики на Северо-Западном Кавказе была детерминирована тем, что процессы общественной трансформации происходили в рамках однородной этнокультурной среды в рамках дихотомии адыгэ-абазэ сообществ. Кризис традиционных иерархических структур и институтов на Центральном Кавказе происходил на фоне усиливающегося военно-политического и административного давления со стороны Российской империи. Он протекал в форме обострения внутренних социальных противоречий в Кабарде, а также эскалации этносоциальных конфликтов между кабардинскими феодальными элитами и горскими сообществами Центрального Кавказа. Соотношение демографических и военно-политических потенциалов сторон, выраженная этнокультурная дистанция между Кабардой и ее социальным окружением препятствовали решительному разрешению кризисных явлений революционными методами, сохраняли герметичность кабардинского общества и, как следствие, высокий уровень конфликтности внутри него, и в отношениях с горцами Центрального Кавказа.

Список источников и литературы

- РГАДА – *Российский государственный архив древних актов*.
АБКИЕА 1974 – *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* / сост., ред. переводов, введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
Берозов 1980 – *Берозов Б.П.* Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII–XX вв.).
Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1980, 240 с.
Брантов 2014 – *Брантов Зачерий-Хаджи*. Абадзехский сказ. Майкоп: Полиграф-Юг, 2014, 344 с.
Бутков 1869а – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1869, 548 с.
Бутков 1869б – *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. 2. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1869, 628 с.
Волкова 1974 – *Волкова Н.Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1974. 276 с.

- Генко 1955 – Генко А.Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. 207 с.
- Думанов 1990 – Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата (первая половина XIX в.). Нальчик: Эльбрус, 1990. 264 с.
- Кажаров 2014 – Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. 902 с.
- КРО 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
- МПИО 1933 – Материалы по истории Осетии (XVIII век) / Документы собрал, введением и примечаниями снабдил Георгий Кокиев. Т. 1. Орджоникидзе: Раствинад, 1933. 348 с.
- Народные песни 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 3. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1986. 264 с.
- Ногмов 1994 – Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
- Покровский 1989 – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII–первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 318 с.
- Проблемы 1998 – Проблемы Бзиюкской битвы: история и современность (материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 200-летию битвы). Майкоп: Изд-во Меоты, 1998. 124 с.
- РОО 1976 – Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х томах. Т. 1. Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1976, 512 с.
- РОО 1984 – Русско-осетинские отношения в XVIII в. Сборник документов в 2-х томах. Т. 2. Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1984, 439 с.
- Султан Хан-Гирей 2009 – Султан Хан-Гирей. Избранные труды и документы. Майкоп: Полиграф-Юг, 2009. 672 с.
- Челеби 1979 – Челеби Эвлия. Книга путешествия. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Наука, 1979. 288 с.
- Чирг 2015 – Чирг А.Ю. Общественно-политические преобразования у натухайцев и шапсугов в конце XVIII в. // Проблемы Отечественной истории. 2015. № 2 (57). С. 43–47.
- Штедер 2016 – Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа, предпринятого в 1781 году / Сост. Г.И. Цибиров. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 368 с.

References

- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Documents]
- Adygi, balkarcy i karachaevcy v izvestijah evropejskikh avtorov XIII–XIX vv. [Adygians, Balkarians and Karachais in the news of European authors of the XIII–XIX centuries] / sost., red. perevodov, vved. i vstop. stat'i k tekstam V.K. Gardanova. Nal'chik: Jel'brus, 1974. 636 p. (In Russian)
- BEROZOV B.P. Pereselenie osetin s gor na ploskost' (XVIII–XX vv.) [Migration of Ossetians from the Mountains to the Plain (18th–20th Centuries)]. Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1980, 240 p. (In Russian)
- BRANTOV ZACHERII-KHADZHI. Abadzehskii skaz. Maikop: Poligraf-Yug, 2014. 344 p. (In Russian)
- BUTKOV P.G. Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. Ch. 1 [Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 1]. SPb.: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1869, 548 p. (In Russian)
- BUTKOV P.G. Materialy dlya novoi istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. Ch. 2 [Materials for a new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part 2]. SPb.: Tipografiya imperatorskoi Akademii nauk, 1869, 628 p. (In Russian)
- CHELEBI, EVLIYA. Kniga puteshestviya. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya. Vyp. 2 [Travel book. The lands of the North Caucasus, Volga and Don region. Issue 2]. Moscow: Nauka, 1979. 288 p. (In Russian)
- CHIRG A.Yu. Obshchestvenno-politicheskie preobrazovaniya u natukhaitsev i shapsugov v kontse XVIII v. [Socio-political transformations among the Natukhais and Shapsugs at the end of the 18th century] // Problemy Otechestvennoi istorii. 2015. № 2 (57). P. 43–47. (In Russian)
- DUMANOV Kh.M. Sotsial'naya struktura kabardintsev v normakh adata (pervaya polovina XIX v.) [The social structure of the Kabardians in the norms of adat (first half of the 19th century)]. Nalchik: El'brus, 1990. 264 p. (In Russian)

GENKO A.N. *Abazinskii yazyk. Grammaticeskii ocherk narechiya tapanta* [Abaza language. Grammatical outline of the adverb Tapanta]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. 207 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. Dokumenty i materialy v 2-h tomah. T. II. [Kabardian-russian relations in the XVI–XVIII centuries: Documents and materials in 2 volumes. Vol. II]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. 424 p. (In Russian)

KAZHAROV V.Kh. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [Selected works on the history and ethnography of the Adyge people]. Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2014, 902 p. (In Russian)

Materialy po istorii Osetii (XVIII vek) / Dokumenty sobral, vvedeniem i primechaniyami snabdil Georgii Kokiev [Materials on the history of Ossetia (17th century) / Documents collected, introduction and notes provided by Georgy Kokiev Vol. 1]. T. 1. Ordzhonikidze: Rastzinad, 1933. 348 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk Songs and Instrumental Rants of the Adygs]. Vol. 3. Part. 1. M.: Sovetskii kompozitor, 1986. 264 p. ((In Russian)

NOGMOV SH.B. *Istoriya adykheskogo naroda* [The history of the adyghhe people]. Nal'chik: Elbrus, 1994. 232 p. (In Russian)

POKROVSKII M.V. *Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka: sotsial'no-ekonomicheskie ocherki* [From the history of the Adyghe people in the late 18th – first half of the 19th century: socio-economic essays]. Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 318 p. (In Russian)

Problemy Bziyukskoi bitvy: istoriya i sovremennost' (materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu bit-vy) [Problems of the Battle of Bziyuk: History and Modernity (Proceedings of the Republican Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Battle)]. Maikop: Izd-vo Meoty, 1998, 124 p. (In Russian)

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Vol. 1]. T. 1. Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1976, 512 p. (In Russian)

Russko-osetinskie otnosheniya v XVIII v. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh [Russian-Ossetian relations in the 18th century. Vol. 2]. T. 2. Ordzhonikidze: Izd-vo Ir, 1984, 439 p. (In Russian)

VOLKOVA N.G. *Jetnicheskij sostav naselenija Severnogo Kavkaza v XVIII – nach. XX veka* [Ethnic composition of the population of the North Caucasus in the 18th – early 20th centuries]. M.: Nauka, 1974. 276 p. (In Russian)

SHTEDER L.L. *Dnevnik puteshestviya iz pogranichnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie oblasti Kavkaza, predprinyatogo v 1781 godu* [Diary of a journey from the border fortress of Mozdok to the interior regions of the Caucasus, undertaken in 1781] / Sost. G.I. Tsibirov. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2016. 368 p. (In Russian)

SULTAN KHAN-GIREY. *Izbrannye trudy i dokumenty* [Selected works and documents]. Maikop: Poligraf-Yug, 2009. 672 p. (In Russian)

Информация об авторе

3.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of Science (History), Head of the Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.